

О. А. БЕЛОБРОВА

Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв.

Поздние лицевые рукописи чрезвычайно редко привлекают внимание филологов и искусствоведов. Отчасти это связано с отсутствием иллюстрированных каталогов, отчасти — с пренебрежением к рукописной традиции, выходящей за рамки средневековья.

Между тем лицевые сборники XVIII—XIX вв. представляют большой интерес, так как они в значительной степени сохраняют традиционные средневековые принципы и в подборе статей определенной тематики, и в их переписке, и в их украшении. В то же время они отмечены и чертами нового времени.

Среди лицевых сборников XVIII и XIX вв. (их насчитывается в Древлехранилище более 30) выделяется небольшая группа, объединяемая как по содержанию, так и по сходству миниатюр, выдающему общее происхождение рукописей.

Содержание сборников этой группы относится к эсхатологической и духовно-нравственной тематике. В каждом сборнике встречается устойчивое сочетание двух статей, одна вслед за другой — а за ними целая серия миниатюр (более 40), иллюстрирующих оба произведения сразу: 1) «Слово преподобного отца нашего Ефрема о покаянии», представляющее собой главу 49-ю из Паренесиса Ефрема Сирина, и 2) евангельская притча о приглашении на пир (Лука, зачало 76). Патристический текст, посвященный теме покаяния грешников, дополняется здесь близким к нему евангельским. В ряде случаев встречаем в обоих памятниках не только смысловую, но и непосредственно текстуальную близость. Например, при упоминании человека, явившегося на брачный пир не в праздничной одежде, читаем:

Слово Ефрема Сирина

Евангелие от Луки

И услышиши пред всеми страшный
он глас: «Друже, како въшел еси семо,
не имея одежды брачныя?».

И глагола ему: «Друже, како видя
семо, не имый одеяния брачна?».

Сочетание в одном сборнике главы из Паренесиса Ефрема Сирина с евангельским текстом, возможно, не так уж и редко. Например, в рукописи ГПБ, Q. XVII. 215 середины XVIII в. к 49-й главе Ефрема Сирина примыкает другой евангельский отрывок (Лука, зачало 45).¹

¹ Л. 174—174 об. Эта статья сборника не была отмечена в издании: И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897, стр. 323—332.

Хотя лицевые списки Паренесиса Ефрема Сирина нам неизвестны, отдельные его главы, включавшиеся в сборники, сопровождалась иногда миниатюрами. Примером может служить глава 104-я — «О прекрасном Иосифе слово» из той же рукописи ГПБ.²

Известны также и сборники с иллюстрациями к притчам из Евангелия от Луки. Особенно примечателен в этом отношении сборник ГИМ, собр. Вахрамеева, № 232, XVIII в.³

Но соединение в одном лицевом сборнике Слова Ефрема Сирина о покаянии (именно главы 49-й Паренесиса, а не других глав на ту же тему) и 76-го зачала Евангелия от Луки встречается в рукописях XVIII и XIX вв. несколько раз; а миниатюры, которые иллюстрируют оба произведения сразу, подчеркивают внутреннюю связь обоих текстов.

В настоящее время нам известно шесть лицевых сборников, включающих две названные статьи и цикл миниатюр. В двух случаях оба текста с примыкающими к ним миниатюрами (более 40) в основном исчерпывают содержание сборников в 8-ку; таковы рукописи: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 548 (далее *Л*)⁴ и ГПБ, собр. Буслаева, О. 1. 428 (далее *Б*);⁵ в последнем после миниатюр читается также глава об авве Иерониме. Еще два сборника, в 4-ку, находим в Древлехранилище Пушкинского Дома: один, сохранившийся лишь в отдельных листках, — из Карельского собр., № 140 (далее *К*),⁶ и второй, поступивший в ИРЛИ в 1971 г., — Северодвинское собр., № 152 (далее *С*).⁷ Подобные сборники — в ГПБ, О. I. 390, ГБЛ, собр. Фадеева, № 41 (*А*, *Ф*).⁸ Состав трех последних сборников не ограничивается Словом Ефрема Сирина и евангельской притчей, с миниатюрами, их сопровождающими. Подбор статей в этих богато иллюстрированных сборниках подчинен все той же эсхатологической тематике.

Поскольку сборник *К* дошел до нас в отрывках, его состав в настоящее время не поддается полной реконструкции. Ясно лишь, что он был достаточно разнообразным, так как сохранился и листок с началом

² Лл. 175—185 об.; 186 об.—212 об., с 19 миниатюрами.

³ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. I. М., 1888, стр. 166—167. В Древлехранилище Пушкинского Дома недавно поступил сборник (колл. Амосова—Богдановой, № 41, кон. XVIII в.) с миниатюрой к евангельскому тексту (Лука, зачало 12).

⁴ Миниатюры впервые упоминаются в печати в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, стр. 176.

⁵ Описание и воспроизведение ряда миниатюр в виде прорисей (хотя и без определения их принадлежности к Слову Ефрема Сирина и к евангельской притче) находим в кн.: Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 630—631, рис. 6—8; см. также: И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева..., стр. 204—202.

⁶ Миниатюры охарактеризованы в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома, стр. 175.

⁷ Его упоминание в печати см. в работах: Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. — ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1973, стр. 405—406; О. А. Белоброва. Лицевые рукописи (краткий обзор). — Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, стр. 318, прим. 29а.

⁸ Описание состава сборника *Ф* и воспроизведение одной его миниатюры в кн.: О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965, стр. 117, 120, 121.

В этом сборнике перепутаны листы при переплете и, в частности, не на своем месте находятся лл. 50—54 об., разъединившие Слово Ефрема Сирина (лл. 30—49) и текст Евангелия от Луки (лл. 55—56 об.) с серией миниатюр (лл. 557—112). Оттиск на л. 49 об. киноварного инициала с л. 55 неопровержимо свидетельствует, что после Слова Ефрема Сирина первоначально следовали евангельская притча и миниатюры, как и в других сборниках. Об *А* см.: И. А. Бычков. Каталог... рукописей П. Д. Богданова, вып. 2. СПб., 1893, стр. 286—287.

текста Слова о покаянии Ефрема Сирина, и семь (из более чем 40) миниатюр с текстами на обороте, и многофигурная сцена брани, и изображение «высока исполина черна», упоминаемого в Поучении св. Антония (обе последние миниатюры с соответствующими текстами находим и в сборнике С).

Миниатюры в сборниках *П*, *Б*, *К*, *С* и *Ф* расположены каждая на свободном от текста листе; оборот предыдущего листа содержит краткую выдержку из евангельской притчи (в *Ф* выдержки более пространные) или наименование сюжета («сия мука празнословцам» и т. п.), представленного рядом, т. е. на следующем листе.⁹ Таким образом, читатель, ознакомившись с текстом Слова Ефрема Сирина и евангельской притчи, приступал к рассматриванию целой серии миниатюр, — более четырех десятков, — каждая из которых имеет пояснение на развороте листа. Часть миниатюр (до 15) иллюстрирует притчу (представлены приглашенные на пир: купивший село, купивший волов, новожен и др., а затем их наказание за отказ от приглашения, когда каждый из них оказывается «влекоми на широкий путь и пространный», куда их тащат бесы — темноликие «мурины»). Остальные миниатюры (до 30) изображают мучения грешников, горящих в пламени, — клеветяников, тщеславных, лихоимцев, сластолюбцев, лицемеров, гордых, славолубцев, пьяниц, прелюбодеев и т. п.

Сопоставление миниатюр в указанных сборниках позволяет обнаружить не только их смысловую, но и чисто стилистическую близость. Например, сцена приглашения на пир «купившего село», представленная в *П* (л. 22), *Б* (л. 24), *К* (л. 6), *С* (л. 38) и *Ф* (л. 59), показывает, что в основе всех пяти миниатюр лежит общая прорись; только изображения в *П* и *Б* (табл. I, а, б) по отношению, например, к *К* и *С* (табл. I, в, г) даны в зеркальном отражении и в ином масштабе; цветовая гамма всех миниатюр сходная. Но миниатюры в *П*, *Б* и *Ф* рисованы менее опытной рукой, чем в *К* и *С*, *А* (л. 339).

На другой миниатюре (*П*, л. 31; *Б*, л. 29; *Ф*, л. 67 и *С*, л. 46) изображается, как завладевшие винной бочкой бесы-мурины (один сидит на бочке верхом в роли виночерпия, другой ее тащит, а третий толкает сзади) собирают вокруг группу людей, среди которых два юноши-щеголя (один с бокалом), пожилой мужчина в кафтане и две женские фигуры (табл. II, а, б и в, г). В *С* особенно ярко локальные тона одежд и пестрая раскраска бочки.

Интересна бытовыми подробностями миниатюра, представляющая осуждение «временных и прелестных красот» (*П*, л. 30; *Б*, л. 30; *С*, л. 47; *Ф*, л. 68). Здесь бесы-мурины соблазняют молодых щеголеватых дев козынками и нарядными кокошниками, а юношей — шляпами с полями; все это они извлекают из ярко раскрашенной повозки, на дне которой видны скляницы с зельями, ларец или книга в богатом окладе и другие «красоты».

Миниатюры с приглашенными на пир отличаются светской нарядностью. Все они рисованы на неокрашенном фоне листа, руки и лики персонажей — перовым контуром, также без раскраски; одежды и архитектурные фоны раскрашены в локальные тона — зеленый, красный, желтый. Все персонажи представлены главным образом в светских одеждах: кафтанах и шапках с меховой опушкой, в шляпах с полями, в повойни-

⁹ В случае утери листа с миниатюрой нарушается связь между надписями и изображениями, как например в сборнике *П* между лл. 38 и 39, 46 и 47; в сборнике *Б* надписи на лл. 50 об. и 51 об. перепутаны писцом.

ках, косынках, кокошниках и т. д.; наряду с этим видим и одежды типа подризников, обычные в древнерусской иконографии. Встречаются изображения лавок менял (*П*, л. 21; *С*, л. 37; *Б*, л. 20; *Ф*, л. 58), хозяйственных построек — ясель для волов (*П*, л. 23; *С*, л. 39; *Б*, л. 22; *К*, л. 8; *Ф*, л. 60). Совпадают не только композиции при передаче определенных сюжетов, сохраняются и общие способы воплощения, например архитектурных форм: во всех сборниках встречаем сходные купола и своды с пестрой раскраской, щипцовые кровли палат, интерьеры с высокими, заваленными вверху окнами и контурным переплетом рам. В подобном интерьере сидят, например, молодожены (*С*, л. 40; *П*, л. 24; *Б*, л. 23; *К*, л. 9; *Ф*, л. 61). Характерна свойственная всем миниатюрам волнистая линия горизонта, очерченная сначала тонким перовым или кистевым контуром, а потом параллельным ей красочным, плотным вверху и более прозрачным внизу.

Миниатюры эти необычайно близки по стилю к знаменитой белофонной северодвинской росписи, украшавшей деревянные прялки, лубяные «хлебенки» и другие предметы народно-декоративного искусства и быта XVII—XX вв. Исследователями неоднократно отмечалась связь между росписями прялок в Пермгорье и с. Борок Архангельской обл. с иконописной (добавим: книжно-рукописной) традицией.¹⁰ В частности, общими для наших миниатюр и для этой росписи по дереву является цветовая гамма: основные цвета — красный, желтый, зеленый и черный контур; сходны также и архитектурные мотивы.

Примыкающая к рассмотренной выше группе миниатюр целая серия изображений загробных мук грешников отличается совсем иным, мрачным, характером, также общим для всех привлекаемых нами сборников. **Обнаженные тела грешников, горящих в адском пламени, контрастно выделяются на черном фоне заваленного вверху «вертепа».** Обычно подобные изображения встречаются в синодиках. Но в данной традиции они опять-таки своеобразны, в частности — некоторой монотонностью. Так, подвешен над огнем за язык и клеветник (*П*, л. 35; *С*, л. 51; *Б*, л. 34; *Ф*, л. 73), и лжец (*П*, л. 45; *С*, л. 63; *Б*, л. 46); горит в огне головой вниз и гордец (*П*, л. 47; *С*, л. 66; *Б*, л. 49; *Ф*, л. 91), и прелюбодей (*П*, л. 53; *С*, л. 72; *Б*, л. 72).¹¹ Повторяются группы, в профиль и впрямь, причем руки грешников отведены за спину.¹²

Сборники *П*, *К*, *Б*, *Ф*, до сих пор не сопоставлявшиеся, близки по времени: в них преобладают филигранные бумаги конца XVIII — начала XIX в.¹³ Но ни одна из этих рукописей не сохранила признаков места их создания, бесспорно общего.¹⁴ Вот почему так важен факт нахождения сборника *С* в месте его бытования и, по всей вероятности, происхождения — на Северной Двине (находка сделана Л. И. Сазоновой во время экспедиции 1971 г.), в деревне Нестеровская Леховского сельсовета Верхнетоемского района Архангельской области.

¹⁰ О. В. Круглова. Северодвинские находки. — Декоративное искусство, 1960, № 3, стр. 33—35; В. М. Василенко. Народное искусство первой половины XIX века. — В кн.: История русского искусства, т. VIII, кн. 2. М., 1964, стр. 594; О. В. Круглова. Русские прялки. Каталог. Загорск—Тула, 1971, стр. 41—42.

¹¹ В контурных воспроизведениях миниатюр, изданных Ф. И. Буслаевым (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, рис. 8а и 8б к стр. 631), находим «муку волхвам» и «муку славянолюбцам».

¹² В сборнике *Б* миниатюры несколько неумело изображали подобные группы. В результате Ф. И. Буслаев определил их «будто статуи с отломанными конечностями рук» (там же, стр. 631).

¹³ Например, в *Б* встречается филигрань с датой 1803 г., в *П* — с датой 1806 г., в *Ф* — с датой 1805 г.

¹⁴ Известно лишь, что И. Д. Богданов вывез сб. *А* из-под Архангельска.

Сборник *С*, относящийся к нач. XIX в., довольно полной сохранности, на 219 лл., содержит 116 миниатюр. Примечательно, что значительная их часть совпадает с листами из коллекций прорисей и рисунков Н. П. Шестакова (Древлехранилище, Красноборское собр., №№ 20, 83, 93), датированных по филиграммам нач. XIX в., а в ряде случаев по штемпелям бумаги — сер. и кон. XIX в., вплоть до нач. XX в.

Но особенно близка к сборнику *С* еще одна лицевая сборная рукопись из Древлехранилища (Отдельные поступления, оп. 24, № 13, XIX в. в 4-ку, на 275 лл., 64 миниатюры¹⁵), которая, сильно уступая в художественном отношении, по составу статей и иллюстраций, явно восходит к общему для обоих сборников и для сборника *К* прототипу. Это неудивительно: рукопись происходит из Пермогорья, может быть, вышла из-под пера Н. П. Шестакова. Стало быть, северодвинская практика переписки лицевых сборников дожила до конца XIX в.

Также на севере (в Архангельской губернии) был создан в 1820-е годы еще один сборник — БАН, собр. Чапыгина, № 3, — со сходными лицевыми изображениями, в том числе и к новозаветной притче о приглашенных на брачный пир (Слово Ефрема Сирина здесь отсутствует). В той же художественной манере выполнены миниатюры в рукописи «Лествица духовная», XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 259).

Дальнейшие поиски, возможно, позволят сделать новые находки, в результате которых удастся определить более точно время и место возникновения, а также имена писцов и миниатюристов северодвинской рукописной традиции, интересными образцами которой, начиная от рубежа XVIII—XIX вв. и кончая XX в., обладает Древлехранилище Пушкинского Дома.

¹⁵ О составе сборника и миниатюр см. в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома, стр. 153, 176; О. А. Белоброва. Лицевые рукописи, стр. 319.